

ИСТОРИЗМ «ПОЛТАВЫ» А. С. ПУШКИНА

В. Е. Шутой

Советские историки внесли серьезный вклад в изучение творчества и исторических взглядов А. С. Пушкина. Первая статья в этом плане принадлежала перу М. Н. Покровского¹. В 1937 г. в связи с исполнившимся столетием гибели поэта советская историческая наука присоединила свой голос «к бесчисленным выступлениям, посвященным нашему великому соотечественнику»². Периодические исторические издания того времени опубликовали материалы о А. С. Пушкине³. Статья К. В. Базилевича «Борис Годунов в изображении Пушкина»⁴ явилась одной из первых попыток с позиций марксизма-ленинизма исследовать исторические произведения великого поэта. То был начальный период критического изучения пушкинского наследия советскими историками. «Историк еще не подходил к этому ценному материалу, не изучал исторических взглядов Пушкина в их развитии»⁵, — подчеркивал акад. Б. Д. Греков. В наши дни советская историческая наука шагнула далеко вперед. Расширилась, в частности, и историческая пушкиниана. Историки продуктивно занимаются исследованием исторических сочинений поэта⁶. «В настоящее время, — заметил акад. Л. В. Черепнин, — труды Пушкина включаются в историю исторической науки»⁷.

Пожалуй, из всех исторических сочинений Пушкина более всего обойдена вниманием историков поэма «Полтава», первое его историческое произведение в стихах, произведение об одной из бурных, переломных эпох отечественной истории. Между тем в «Полтаве» воссоздано множество подлинных исторических событий и личностей. К тому же никакое другое произведение поэта не подверглось такой резкой критике сразу же после выхода в свет, как «Полтава». Ее автора обвиняли в антиисторизме, в пренебрежении к фактам, в искажении событий, в фантазии и вымысле. До наших дней многие из этих «нелитературных обвинений», как называл их Пушкин, несмотря на необоснованность, остаются непровергнутыми. Произошло это потому, что «Полтаву» изучали преимущественно литературоведы, которые исследовали поэму

¹ М. Н. Покровский. Пушкин-историк. Предисловие к тому V Полного собрания сочинений А. С. Пушкина в шести томах. М. -Л. 1931.

² Б. Д. Греков. Исторические воззрения Пушкина. «Исторические записки». Т. 1. 1937, стр. 3.

³ Л. Бычков. А. С. Пушкин как историк. «Исторический журнал», 1937, № 1; М. В. Нечкина. А. С. Пушкин и декабристы. «Историк-марксист», 1937, кн. 1; П. С. Попов. Пушкин как историк. «Вестник» Академии наук СССР, 1937, № 1; П. Софинов. А. С. Пушкин — исследователь Пугачевского движения. «Исторический журнал», 1937, № 2; С. В. Юшков. А. С. Пушкин и вопрос о русском феодализме. «Историк-марксист», 1937, кн. 1.

⁴ «Исторические записки». Т. 1. 1937.

⁵ Там же, стр. 6.

⁶ А. И. Чхеидзе. К вопросу об источниках «Истории Пугачева» Пушкина. «Труды» Тбилисского учительского института. Т. 2. 1942; его же. «История Пугачева» А. С. Пушкина как исторический источник. Там же. Т. 5. 1948; его же «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси. 1963; Н. Н. Степанов. Исторические воззрения А. С. Пушкина. Л. 1949; Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре. «История СССР», 1961, № 3; Л. В. Черепнин. История в творчестве А. С. Пушкина. «Вопросы истории», 1963, № 9; Р. В. Овчинников. Пушкин в работе над архивными документами. Л. 1969.

⁷ Л. В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М. 1968, стр. 56.

как явление искусства, интересуясь в основном ее структурой, сюжетом, жанром, образами героев, а также вопросами литературных параллелей, влияний и заимствований. Историки же касались ее лишь тогда, когда прослеживали исторические воззрения поэта, его взгляды на Петра I, Полтавскую битву. Поэтому в историческом плане поэма остается слабо изученной. Цель настоящего очерка состоит в том, чтобы посредством привлечения источников и установления ряда новых фактов опровергнуть обвинения великого поэта в антиисторизме и доказать, что и в данном случае Пушкин был верен правде истории.

Интерес к Петру I, к истории России и деятелям того времени проявился у поэта еще в начале 1820-х годов, когда он находился в южной ссылке. В 1822 г. он написал «Заметки по русской истории XVIII века»⁸. Данные в них характеристики Петра I исторически верны и определенно отличаются от верноподданнических восхвалений этого монарха, царивших в исторических работах XVIII и начала XIX века. Одним из первых в литературе «вослед Радищеву» Пушкин здесь решительно сказал о деспотических чертах в политике Петра I. М. Н. Покровский назвал эти заметки «замечательными». Он писал: «Заметки», занимающие 2 страницы,—самое ценное, что дал русской истории Пушкин. Книги с таким освещением Петра у нас нет. Если бы была, это было бы совершенно оригинальное произведение... Пушкин умел схватить... связь приемов и методов Петра с практикой крепостной вотчины»⁹.

В январе 1824 г. Пушкину, находившемуся в Одессе, стало известно от И. П. Липранди, что недалеко от Бендер живет 135-летний старик Николай Искра, который в отрочестве бывал в укрепленном шведском лагере в с. Варница близ Бендер и неоднократно видел шведского короля Карла XII. В окрестностях Бендер Пушкин надеялся найти следы могилы Мазепы¹⁰, но безуспешно¹¹. Когда же Пушкин и Липранди поехали на встречу с Искрой, то они для сопоставления его рассказа с источниками прихватили «Историю Карла XII» Г. Нордберга¹², духовника шведского короля, и «Путешествие» де ла Мотрея¹³, в которых дано подробное описание шведского укрепленного лагеря близ Бендер в 1709—1714 годах. Рассказ старика Искры о Карле XII, его внешности, одежде, повадках оказался достоверным; так же точным было его описание шведского лагеря. Однако о Мазепе Искра ничего не мог вспомнить¹⁴. Пушкин уехал от него недовольным.

В 1824—1825 гг. вышла в свет поэма К. Ф. Рыльева «Войнаровский». В ней Мазепа показан в идеализированном виде—героем свободы. «Прочитав в первый раз в Войнаровском,—писал Пушкин,—сии стихи: «Жену страдальца Кочубея и обольщенную их дочь», я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудро и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальнойю. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее»¹⁵. По-видимому, посещение Бендер и знакомство с поэмой Рыльева убедили Пушкина обратиться к данной теме. В последующие годы она стала центральной в творчестве поэта. Находясь в ссылке в Михайловском, Пушкин написал ряд произведений, связанных с эпохой Петра: «Стансы», «Арап Петра Великого», которые предшествовали началу работы над «Полтавой».

Историзм был органической чертой мировоззрения Пушкина. И естественно, прежде чем приступить к сочинению «Полтавы», он потратил немало времени на

⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 11. М.-Л. 1949, стр. 14—17.

⁹ М. Н. Покровский. Указ соч., стр. 13.

¹⁰ О местонахождении могилы Мазепы Пушкин узнал из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского, вышедшей в 1822 г. (ч. IV, стр. 25, «Тело Мазепы предано земле в Варнице, близ Бендер»).

¹¹ В 1883 г. стало известно, что тело Мазепы из Бендер было переправлено в Галац, где и похоронено (В. Антонович. Молдавские сведения о месте погребения и могиле Мазепы. «Киевская старина», 1885, № 7).

¹² «Histoire de Charles XII, roi du suède». Traduite du suédois, de monsieur I. A. Nordberg. Tt. I—IV. La Haye. 1748.

¹³ De la Motraye. Voyages d'Andry de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. Vol. 1—2. La Haye. 1727.

¹⁴ И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. «Русский архив», 1866, стр. 1459—1464.

¹⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 11, стр. 160.

собираание материала. Пушкин начал писать поэму 5 апреля 1828 года. Создавалась она отрывками, с большими перерывами, но к концу октября была закончена¹⁶. Автор трудился над поэмой с большим напряжением и вдохновением¹⁷. Поэт сам объяснил причины «молниеносного» появления «Полтавы». Имея в виду Мазепу, он писал: «Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... [Д<ельви>г дивится как я мог заняться таковым предметом.] Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. Полтаву написал я в несколько дней, долее не мог ею заниматься, и бросил бы все»¹⁸.

«Полтава» — не только результат вдохновения поэта и его напряженного труда. Она итог многолетних раздумий, тщательного изучения источников, основательного знакомства с иностранной литературой, хорошего знания русской истории, фактов, событий и биографий главных героев поэмы. В «Полтаве» нет ни одного вымышленного лица. Все герои поэмы (а их насчитывается до 30) — реальные участники исторических событий. Это Петр I — «самодержавный великан»; его ближайшие соратники, «сии птенцы гнезда петрова»: «Шереметев благородный», Брюс, Боур, Реннин и Меншиков — «полудержавный властелин». Гетман Левобережной Украины И. С. Мазепа — «иуда», «враг России»; высшие представители украинской казачьей старшины: генеральный судья В. Л. Кочубей — «жертва смелой правоты», его «нетерпеливая жена» и их «дочь преступница»; генеральный писарь Ф. Орлик — «гетманов делец»; мазепины соратники Забела и Гамалея; племянник гетмана Войнаровский; полтавский полковник «бесстрашный Искра»; выдающийся и популярный руководитель правобережного казачества С. Палей — «наш Палей». Шведский король Карл XII, «любитель бранной славы»; его генералы Розен и «пылкий Шлитшёнбах». Представители польской аристократии, сторонники Карла XII — король Станислав (Лещинский) и княгиня Дульская. И еще упоминаются Булавин, крымский хан, цареградский «салтан» и другие.

Одни герои выписаны более полно, с обрисовкой их характеров, мотивировкой их действий и речей, другие — мельком, лишь упоминаются. Но каждый образ, получивший точную пушкинскую характеристику, основывается на документах, на источниках. В последние годы в пушкиноведческой литературе утвердилось мнение, что «вопрос о собственно исторических источниках «Полтавы» после разысканий Н. В. Измайлова и некоторых других исследователей можно считать в основном разрешенным»¹⁹. С этим мнением нельзя согласиться. Литературоведы назвали исторические источники «Полтавы»²⁰, но не изучили их, не показали, какие документы, какой фактический материал содержится в том или другом источнике и какой из них интересовал Пушкина, каковы степень и характер использования их автором «Полтавы». Статья же Н. В. Измайлова²¹, едва ли не единственная, посвященная данной теме, была написана, когда отмечалось 230-летие Полтавского сражения, и главное внимание уделено автором источникам об этой битве и описанию книги Лезюра «История казачества...»²². Перечислению отечественных и зарубежных источников «Полтавы» с беглой их характеристикой в статье отведено немногим более одной страницы. В их числе названы сочинения И. И. Голикова, Д. Н. Бантыш-Каменского, Ф. Прокоповича, «Журнал Петра Великого», Вольтера, Адлерфельда, Нордберга, де ла Мотрея²³.

¹⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 5. М.—Л. 1948, стр. 511.

¹⁷ М. Юзефович. Памяти Пушкина. «Русский архив», 1880, кн. 3, стр. 441.

¹⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 11, стр. 160.

¹⁹ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М. 1967, стр. 314.

²⁰ См. там же, стр. 278.

²¹ Н. В. Измайлов. К вопросу об исторических источниках «Полтавы». «Пушкин. Временник пушкинской комиссии», 4—5. 1939.

²² «Histoire des Cosaques, précédée d'une introduction...». P. 1814.

²³ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и дополненные по годам. Чч. 1—12. М. 1788—1789; его же. «Дополнения к Деяниям...». Тт. 1—18. М. 1790—1797; Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России. Чч. I—IV. М. 1822; Ф. Прокопович. История имп. Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии. СПб. 1773; «Журнал или поденная записка... Петра Великого...». Ч. 1. СПб. 1770; ч. 2. СПб. 1772; Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. P. 1817; G. Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII... Vol. I—IV. Amsterdam. 1740.

С тех пор, как была опубликована статья Н. В. Измайлова, прошло 35 лет. Однако за эти годы никто не продолжил усилий известного пушкиниста в области изучения источников «Полтавы».

Правда, почти за полтора века, минувшие со времени выхода в свет «Полтавы», была сделана одна-единственная попытка сопоставить поэтические строки поэмы с историческими источниками, которыми пользовался автор. Эта инициатива принадлежала известному в прошлом веке педагогу, литератору и издателю Л. И. Поливанову. К 50-летию смерти А. С. Пушкина он предпринял издание его сочинений. В предисловии к ним Поливанов высказал мысль, верную в известной мере и сегодня, что в обширной литературе о великом поэте, «столь обильной биографическими мелочами, оказывается большой пробел в исследовании источников, которыми пользовался Пушкин в своих произведениях...»²⁴. К сожалению, эта интересная попытка Поливанова оказалась неудачной в силу ряда причин: неполноты привлеченных источников; неточностей, допущенных при сличении текста поэмы с источниками. Так, Пушкин пользовался первыми изданиями трудов Голикова и Бантыш-Каменского, Поливанов же — вторым изданием «Деяний Петра Великого» и третьим изданием «Истории Малой России», значительно отличающимися от их первых изданий. Описание Полтавского боя он сопоставлял лишь с «Деяниями», а Пушкин прибегал в данном случае к такому важному источнику, как «Журнал или дневная записка... Петра Великого». И, наконец, недостаточное знание исторических фактов привело автора к путанице, к необоснованным выводам и обвинениям Пушкина в антиисторизме, вымысле и фантазиях.

«Примечания» к «Полтаве», написанные самим поэтом с тем, чтобы объяснить читателям малоизвестные в то время факты, свидетельствуют о прекрасном знании Пушкиным биографий своих героев и событий изображаемой им эпохи. «Примечания» отличаются исключительной точностью²⁵. Пояснения подтверждаются ссылками на источники, отрывки из которых также включены в «Примечания». У Пушкина нет ссылок не только на зарубежных мемуаристов, но даже на Голикова. Но можно ли из этого заключить, что Пушкин не знал «Деяний Петра Великого» или не воспользовался этим, в то время главным, русским источником для его темы? К тому же поэту, вероятно, были известны и многочисленные печатные источники, на которые опирались Голиков и Бантыш-Каменский. В какой степени он использовал эти источники? Эти далеко не праздные вопросы требуют ответа, и проблему исторических источников «Полтавы» нельзя считать решенной. Эта тема, а также полное сличение текста «Полтавы» с источниками еще ждут своего исследователя.

«Полтава», изданная в Петербурге обычным для того времени тиражом в 1 200 экз., вышла в свет 27—28 марта 1829 года. 30 марта в газете «Северная пчела» было напечатано сообщение о новом сочинении А. С. Пушкина. Через месяц поэт отправился на Кавказ, где служили его друзья-декабристы. В пути его догнали журналы с отзывами о «Полтаве», которые огорчили и удивили Пушкина. Все они бранили поэму. Несколько позже поэт в заметках «Опровержение на критики» пишет: «[Самая зрелая из всех моих стихотворных повестей, та в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное)] — Полтава [которую Ж<уковский>, Г<недич>, Д<ельвиг>, В<яземский> предпочитают всему, что я до сих пор ни написал] не имела успеха. Может быть она его и не стоила, но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям»²⁶.

Критика с позиций «официальной народности» обвиняла Пушкина в том, что он искажил характеры героев поэмы, что они не такие, «как нам представляет история»,

²⁴ «Сочинения А. С. Пушкина с объяснением их и сводом отзывов критики». Издание Льва Поливанова для семьи и школы. Т. II. М. 1887, стр. 149.

²⁵ Автор этих строк обнаружил лишь одну неточность. Она могла быть результатом даже неверной устной информации. В 11-м примечании читаем: «Костя Гордиенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.». Последнее обстоятельство не подтверждается источниками. В марте 1709 г. К. Гордиенко передался шведам, до 1728 г. был кошевым атаманом, умер в 1733 г. (Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков. 1688—1734. Т. 3. СПб. 1897, стр. 592).

²⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. II, стр. 158, 164.

что все персонажи, включая Петра I и Карла XII (если судить о них по отзывам Мазепы), уродливы, карикатурны²⁷. И вывод: «Полтава» есть настоящая Полтава для Пушкина! Ему назначено было здесь испытать судьбу Карла XII²⁸. «И все это тогда читалось, — писал В. Г. Белинский, — многие даже верили дельности таких отзывов»²⁹. А происходило оно потому, как писал сам Пушкин, что иные его современники знали историю лишь со времени Потемкина и имели некоторое понятие о статистике только той губернии, где находились их поместья³⁰.

Против хулителей «Полтавы» выступили М. А. Максимович, профессор Московского университета, разносторонний ученый — ботаник, физиолог, этнограф, историк, собиратель и издатель украинских песен. Он опубликовал статью «О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении». Максимович отстаивал историческую правдивость поэмы и поддержал пушкинскую характеристику Мазепы: «Портрет сей, принадлежащий к лучшим местам поэмы, так верен, что почти на каждый стих (если было нужно) можно привести подтверждаемые события»³¹. Высокая оценка «Полтавы» была дана К. А. Полевым, братом историка и издателя Н. А. Полевого³².

Пушкин не мог оставить без ответа высказанные в печати сомнения относительно исторической правдивости героев поэмы, их характеров и поступков. Осенью 1830 г., во время его пребывания в Болдине, он выбрал время, чтобы «писать опровержение на все критики, которые мог припомнить». Его заметки «Опровержение на критики» и «Возражение критикам «Полтавы» были опубликованы в 1831 г. в Москве в альманахе М. А. Максимовича «Денница». «Полтава» не имела успеха, — писал Пушкин. — Журналы взялись объяснять мне причины тому. Они, во-первых объявили мне, что отроду не видано, чтоб женщина влюбилась в старика — и что следовательно любовь Марии (Матрены) Кочубеевой к старому Гетману (впрочем исторически доказанная) не могла существовать»³³. Пушкин обоснованно бросил в лицо своим оппонентам, «господам чиновным журналистам», ссылку на «исторически доказанную» достоверность изображенных в поэме событий. Он читал «любовные мазепины письма» к Матрене Кочубей, обнаруженные И. И. Голиковым в следственном деле Кочубея. Эти письма были опубликованы в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. «Далее, — писал Пушкин, — говорили мне, что мой Мазепа злой и глупый старичишка. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки им обольщенной... Мазепа действует в моей поэме точь в точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер»³⁴.

В предисловии к «Полтаве» поэт дал полную объективности и историчности характеристику Мазепы: «Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы³⁵, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителя отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победой, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковью анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества»³⁶. Богатый фактический материал о деятельности Мазепы, напечатанный в трудах Голикова и Бантыш-Каменского, дал основание поэту для подроб-

²⁷ «Разбор поэмы «Полтава», соч. А. С. Пушкина». «Сын Отечества», 1829, ч. 125, №№ 15 и 16; «Полтава. Поэма Александра Пушкина». «Вестник Европы», 1828, №№ 8—9.

²⁸ «Вестник Европы», 1829, № 9, стр. 40.

²⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 7. М. 1955, стр. 426.

³⁰ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. 7. М.—Л. 1951, стр. 61.

³¹ «Атеней», 1829, ч. 2, № 6, июнь, стр. 503—504; «Незабвенно мне, — писал Максимович, — как благодарил меня за мою статью Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия» (М. А. Максимович. Собр. соч. Т. III. Киев. 1880, стр. 131).

³² «Московский телеграф», 1829, ч. 26, № 7.

³³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. II, стр. 158.

³⁴ Там же, стр. 164. «Необходимо отдавать себе отчет в том, — пишет французский пушкинист, — что в своей поэме, где Украина и украинцы играют важную роль, Пушкин хотел прежде всего прославить Петра и Россию и дискредитировать Мазепу, а не Карла XII» (V. Arminjon. Pouchkine et Pierre le Grand. P. 1971, p. 121).

³⁵ Подразумевается поэма К. Ф. Рыльева «Войнаровский».

³⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. V, стр. 335.

ной характеристики. Поскольку критики упоминали о поэме Байрона «Мазепа», Пушкин писал: «Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой Истории Карла XII»³⁷. По своим историческим или, точнее, историко-теоретическим взглядам А. С. Пушкин стоял выше своих современников, историков-профессионалов. В отличие от своих предшественников он совершенно по-другому трактует центральные образы поэмы.

В середине 40-х годов прошлого столетия с обзором «Сочинений Александра Пушкина» выступил В. Г. Белинский. Он подробно анализировал образы героев «Полтавы», признавал, что Пушкин «хотел быть верен истории,—и в этом сделал большую ошибку...», заключающуюся в том, что в Мазепе, героине поэмы, «мы видим одну низость интригана, состарившегося в кознях». По мнению великого критика, «в подробностях и даже в изображении дочери Кочубея он (Пушкин.— В. Ш.) отступил от истории». Поэтому весь этот факт он переделал по своему идеалу,— и дочь Кочубея является у него совершенно идеализированной. Между тем подлинные черты характера и внешности своей героини Пушкин черпал из переписки Мазепы с Матрешей Кочубей. В. Г. Белинский писал, что изображение казака в поэме, особенно «отрывок, от стиха «Кто при звездах и при луне» до стиха «Царю Петру от Кочубея» — выше всякой похвалы; это вместе народная песня, и художественное создание». Но, восхищаясь стихами, критик возражает по существу вопроса. По его мнению, казак, влюбленный в Марию, «есть лицо лишнее, введенное в поэму для эффекта...». В другом месте Белинский высказывается еще более категорично: «Мы уже говорили, что самая мысль ввести в поэму этого казака, чтоб было с кем Кочубею отправить донос Петру на Мазепу, мелодраматически эффектна; ради ее поэт искажил историческое событие: донос был отослан не с казаком, а с старым монахом Никанором»³⁸.

Итак, критик обвиняет поэта в искажении истории ради поэтического замысла. Историческая действительность решительно опровергает мнение о том, что казак из «Полтавы» — герой вымышленный. Изучение источников, в первую очередь «Следственного дела о Кочубее и Искре по доношению их на гетмана Ивана Мазепу в измене государю»³⁹, подтверждает тот факт, что у казака из поэмы был прототип — реальная историческая личность. Пушкин точно указал, что «младой казак» — из «полтавских казаков». Прототип — тоже полтавчанин. В поэме, как и в жизни, казак этот выполнял возложенную на него миссию. События развивались именно так, как они описаны в «Полтаве»: «Удар обдуман». Донос готов. И встал вопрос: «Но кто ж, усердием пламенея, ревнуя к общему добру, донос на мощного злодея предубежденному Петру к ногам положит, не робея?» И Пушкин тут же дает ответ: «Между полтавских казаков...» находился тот, кто доставил донос. А как было в жизни?

Согласно следственному делу, впервые вопрос «кто доставит донос?» возник в июне 1707 года. В то время В. Л. Кочубей находился в своей деревне Ретик, что северо-западнее Путивля. Туда же он вызвал из Батурина своего старшего сына Василия, а из Полтавы — духовника, священника Спасской церкви Ивана Святайло. Последний застал супругов Кочубеев в слезах. Кочубей объяснил, что «он плачет не о чем о ином, но о том, что чаеет, по измене гетманской, Украине быть под ляхами; и вам, де, быть всем в унии, и церквам на костелы быть обращенным...» И далее Кочубей просил у попа совета, как возвестить об этом государю. Святайло ответил, что знает только один способ: донести через царского духовника и что «может то учинится через свояка ево, Петра Яковлева (по-украински Яценко.— В. Ш.), который живет в Полтаве, и он, Кочубей, о том его просил»⁴⁰. Итак, первым посыльным должен был стать полтавчанин. Однако вскоре обстановка изменилась. Более полугода не виделись Кочубей со своим духовником. Уезжая в Киев, где находился тогда Петр I, Мазепа оставил наказным гетманом Кочубея. Ему пришлось покинуть Ретик и переехать в гетманскую резиденцию Батурия.

Как-то слуга Кочубея увидел на батуринском базаре, который находился за городом, двух монахов из Спасского монастыря гор. Севска, возвращавшихся домой из Киево-Печерской лавры, и посоветовал им пойти на двор своего хозяина, где их на-

³⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 11, стр. 159, 165.

³⁸ В. Г. Белинский. Указ. соч., стр. 413, 419.

³⁹ См. «Источники малороссийской истории», собранные Д. Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. II. 1691—1722. М. 1859.

⁴⁰ Там же, стр. 119.

кормят и дадут ночлег. Один из них по имени Никанор понравился Кочубею. «Усмотря ево, что он человек верный, и надежной, и богобоязной», он привел его к присяге и доверился ему. 26 августа 1707 г. Кочубей дал Никанору деньги на дорогу и отправил в Москву. В. Г. Белинский полагал, что «с старым монахом» был отослан письменный донос. Но в действительности было не так. «...А письма ему (Никанору.— В. Ш.) он не давал»,— говорил Кочубей на следствии. 18 сентября, стоя перед начальником Преображенского приказа, князем Ф. Ю. Ромодановским «с товарищи», чернец подробно рассказывал все, что слышал от В. Л. Кочубея и его жены. Сообщением государственной важности явились переданные Никанором слова Кочубея: «Гетман, де, Иван Степанович Мазепа, хочет великому государю изменить и отложитца к ляхам, и Московскому государству учинить пакость великую, пленить Украину, государевы города...» Кочубей просил, чтобы Мазепу захватили в Киеве и не дали последнему убить его. Никанора задержали в Москве. Петр I приехал сюда лишь в декабре. Царю доложили о доносе на Мазепу; при этом Кочубей представил как человека мстительного, возмущавшего спокойствие. За 20-летнее гетманство Мазепы на него поступило в Москву более 20 доносов. Искусный интриган, Мазепа сумел отвести от себя все обвинения и не утратил доверия Петра I. Поэтому доносчики выдавались гетману на расправу. И на этот раз царь не поверил доносу. На юге бушевало крестьянско-казацкое восстание под руководством К. А. Булавина. Шведская армия, пополнившаяся людьми и вооружением, выступила в поход на Россию. Москва готовилась к обороне. По всем этим причинам Петр I, покидая 6 января 1708 г. Москву, повелел отложить расследование доноса на другое время.

Прошло несколько месяцев со времени отъезда в Москву Никанора, однако известий от него не поступало. Кочубей решил повторить донос. В январе 1708 г. он и Святайло встретились в Диканьке близ Полтавы. Кочубей попросил своего духовника прислать к нему Петра Яценко, который был в курсе дела. Во время следствия и Кочубей и Яценко заявляли, что до встречи в Диканьке разговора между ними не было, знакомство же их состоялось «через того их общего отца духовного». Еще тогда, когда Святайло вернулся из Ретика в Полтаву, он сообщил Яценко о своем свидании с Кочубеем и сказал, что «имеют они донести некоторой секрет великому государю, а через кого, не знают». Неизвестно, по какому поводу в декабре 1707 г. Яценко ездил в Москву, был у царского духовника протопопа Благовещенского Тимофея и сообщил ему о тревоге Кочубея. Протопоп велел «обнадежить» Кочубея и Святайло, чтобы «они тот секрет объявили ему без опасения», а он донесет о том царю. Вернувшись домой, Яценко поведал об этом священнику, а тот—Кочубею. В беседе с Яценко Кочубей приказал ему, чтобы в следующую поездку в Москву «он извет на гетмана» донес царскому духовнику, который доложил бы царю содержание доноса. «...А письма ему (Яценко.— В. Ш.) не давал, а говорил словесно. И он то в памяти у себя держал»,— показал на следствии Кочубей. Так что в действительности «донос на мощного злодея» не был зашит в шапке казака, а содержался в его буйной голове. Пушкин, оставаясь верным основному историческому факту, отступил здесь лишь в детали, исходя из художественного замысла.

Узнав о доносчиках, Мазепа обратился 24 февраля 1708 г. с письмом к Петру I. Он называл их «лживцами» и требовал прислать в Киев «для розыску». Стремясь ослабить Яценко перед царем и вызвать к нему недоверие, гетман писал: «...Сим временем получил з Полтавы подлинную ведомость, что житель тамошний полтавский, человек худородный..., прозываемый Петро Яценко, имеющий там, в Полтаве, дом свой, жену и дети, а в Ахтырском полку промыслами... арендовыми упражняющийся», направлен в Москву «якимись лжами и клеветами». По приказу Мазепы дом Яценко в Полтаве был разграблен и разорен. Прибыв в Москву, Яценко, как ему было приказано, явился к царскому духовнику, протопопу Тимофею. Выслушав Яценко, царский духовник представил его царевичу. Алексей Петрович приказал ему изложить все на бумаге. Яценко написал «доношение своею рукою».

Царевич отправил Яценко и царского духовника к Петру I, который принял их в Бешенковичах. Украинский посланник был щедро одарен и в сопровождении капитана гвардии Дубинского отбыл в Полтаву. Начальник Посольского приказа Г. И. Головкин передал с ними письмо к Кочубею, где заверил его в благосклонном принятии Петром I доноса и пригласил приехать в Смоленск. В то же время Петр I в письме от

1 марта 1708 г. советовал Мазепе хитростью поймать Кочубея и Искру, «ибо я чаю в сем деле великому их быть воровству и неприятельской факции...»⁴¹. В апреле 1708 г. Яценко вместе с Кочубеем явился в Витебск, где происходило следствие, а его жена и дети были отосланы в Смоленск. Когда решался вопрос о мерах наказания обвиняемым по делу Кочубея, Петр I написал Гольвкину 9 июня 1708 г.: «А Петра Яковлева вины кажетца мало: только, что он послан был к духовнику—письмами их; того для отпустить его жить в Москве или инуды куды в великороссийские города, а не в малороссийские»⁴². Яценко поселился в Москве. Итак, Кочубей в январе 1708 г. отправил в Москву Яценко, а в середине февраля полковник Искра тайно встретился с ахтырским полковником Ф. Осиповым и сообщил ему о готовящейся гетманской измене. Осипов сразу же написал об этом киевскому воеводе князю Д. М. Голицыну, а двух посыльных отослал в Москву к коменданту города князю М. П. Гагарину с тремя письмами, адресованными Петру I, Алексею Петровичу и А. Д. Меншикову. 19 апреля 1708 г. Кочубей, приехавший накануне в Витебск, предстал перед следственной комиссией, возглавляемой Г. И. Головкиным. Кочубей произнес заранее подготовленную речь и вручил комиссии письменный донос, состоявший из 33 пунктов.

Таким образом, донос Кочубея на Мазепу был не один, как полагали Белинский и другие. Посыльных тоже было несколько. Знал ли об этом Пушкин? Несомненно. Об этом свидетельствуют его примечания к поэме. К тому же изложенным выше фактам посвящены десятки страниц в трудах Голикова и Бантыш-Каменского, а также многие документы, напечатанные в «Приложениях» к ч. III «Истории Малой России», которые Пушкин хорошо знал. И поэт в соответствии со своим художественным замыслом вправе был выбрать фигуру казака как наиболее романтическую и больше других символизирующую широкие массы народа. Казак наделен не только чувством любви к главной героине поэмы, но и жгучей неприязнью к Мазепе, к которому народные массы Украины питали ненависть. Следовательно, Пушкин не исказил события. Поэт был верен правде исторической и поэтической.

В антиисторизме обвинял А. С. Пушкина и Л. И. Поливанов. Однако при сопоставлении текста «Полтавы» с источниками исследователь допустил неверное их толкование. Так, к строкам поэмы о юном казаке, влюбленном в Марию, он дал такое примечание: «Поэт отступил здесь от истории, вводя вымышленное лицо. «Ист. Малороссии» повествует об этом так: «Долго колебался он (Кочубей) в выборе; наконец решился открыть свою тайну иеромонаху Никанору, прибывшему в Батури» (1707). (ИМР, стр. 59)»⁴³. В черновиках поэмы есть пометка Пушкина: «план продолжение поэмы. Мария, [Мазе<па>] Чуйкевич»⁴⁴. На этом основании Поливанов пришел к такому выводу: «Судя по черновой программе, Пушкин заменил этим лицом (казак) историческое лицо—сына генерального судьи Чуйкевича, который по свидетельству историков женился на Матрене...»⁴⁵. Так родилась легенда о замужестве Матрены Кочубей, легенда, пережившая десятилетия.

По мнению комментатора «Полтавы», тот факт, что в черновиках поэмы при упоминании доноса Кочубея поставлено имя Чуйкевича, говорит якобы о том, что «на мысль сделать казака, влюбленного в Марию, посланцем с доносом Пушкин был наведен «Историей Малой России» Бантыш-Каменского, где помещен самый донос (извет) Кочубея. Кочубей, обличая в нем Мазепу, упоминает о препятствии, которое Мазепа ставил браку Матрены с Чуйкевичем (ч. III, стр. 67). Брак этот по тому же историческому свидетельству состоялся, и Чуйкевич помогал Кочубею следить за Мазепой, когда он был тайным изменником. Из этого можно видеть, что и вся дальнейшая судьба Марии—свободная фантазия Пушкина»⁴⁶. Здесь целое нагромождение ошибочных предположений. Появление в черновиках поэмы фамилии Чуйкевича рядом с доносом или в другом месте ничего не доказывает. Знакомство с рукописями указывает на твор-

⁴¹ «Письма и бумаги имп. Петра Великого». Т. VII, вып. I. Птгр. 1918, № 2283, стр. 83.

⁴² Там же, № 2426, стр. 204.

⁴³ Здесь и далее Поливановым указана в скобках «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. Ч. III. М. 1842 (см. Л. И. Поливанов. Указ. соч., стр. 177).

⁴⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 211.

⁴⁵ Л. И. Поливанов. Указ. соч., стр. 153.

⁴⁶ Там же, стр. 177.

ческие поиски ее автора. Он размышлял над началом поэмы, искал имя для своей героини (Матрена, Наталья, Анна, Мария), а также кандидатуру посланца Кочубея с доносом на Мазепу в Москву. Сперва в плане было: «Чуйкевич едет». Но поэт тут же от этой мысли отказался. И дальше: «При звездах и при луне мчитесь витязь на коне во степи необозримой». И только во второй редакции появляется казак⁴⁷. Пушкин отказался от Чуйкевича и от витязя как посланцев с доносом, поскольку это противоречило исторической действительности. Видимо, на мысль сделать казака, влюбленного в Марию, посланцем с доносом Пушкин был наведен не содержанием самого доноса, а подробным описанием реальной миссии полтавчанина Петра Яценко, помещенным в «Деяниях Петра Великого» и «Истории Малой России». Непонятно, на каком основании составители «Указателя имен» к 5 тому академического издания сочинений А. С. Пушкина написали: «Казак»... см. «Чуйкевич»... «Чуйкевич» — («казак») ⁴⁸. Должно быть, отдали дань легенде Поливанова.

«Свидетельство историков» о замужестве Матрены Кочубей, о котором писал Поливанов, не существует по той причине, что и брака такого не было. В седьмом пункте своего доноса Кочубей упоминал о препятствии, чинимом Мазепой браку его дочери с Чуйкевичем. Однако имени дочери, как и других своих детей, ни здесь, ни в других материалах следствия Кочубей не называл. Сохранилось свидетельство самого Чуйкевича, зятя Кочубея, о том, что он был женат на Екатерине Кочубей, сестре Матрены ⁴⁹. Поливанов утверждал, что Чуйкевич, женившись на дочери Кочубея, помогал последнему следить за гетманом Мазепой. Однако источник, на который ссылался исследователь (десятый пункт доноса Кочубея), говорит о том, что эту помощь оказывал не зять, а «сват Кочубеев, Чуйкевич». Таким образом, Поливанов перепутал Чуйкевича-отца (Василия Никифоровича, генерального судью) с Чуйкевичем-сыном (Семеном Васильевичем). Следить за Мазепой мог только Чуйкевич-сват, поскольку он находился в гетманском окружении. Чуйкевич-зять, дожив до 70 с лишним лет, дослужился только до чина полкового судьи.

«Что касается конечной судьбы дочери Кочубея,—писал Поливанов,—то Пушкин мог считать себя в полном праве создать вымысел, помимо исторических данных, как скоро устранил и замужество, и другие факты жизни Матрены. Эта судьба указана у Бантыш-Каменского следующим кратким известием: «Чуйкевич, Максимович, Зеленский, Покатило, Гамалея и писарь Григорьев находились при Мазепе во время полтавского сражения. Из них первый постригся в монахи в Сибири, а жена его удалась в монастырь в Малороссии» (ИМР, прим. 166, стр. 50). Сумасшествие Марии является как нельзя более согласным с тем трагическим положением, в которое поставил ее поэт, и с тем характером, каким наделил он ее» ⁵⁰. Исследователь обвинял А. С. Пушкина в свободной игре фантазии, в вымысле, в пренебрежении к историческим данным, в устранении факта замужества Матрены Кочубей. Обвинения эти, как видно из приведенных выше фактов, лишены оснований. Что касается указанной Поливановым дальнейшей судьбы дочери Кочубея—удаления ее в монастырь после ссылки мужа в Сибирь за участие в измене Мазепы, то это досужий вымысел, результат новой путаницы имен отца и сына Чуйкевичей. Сославшись на примечания к тексту Бантыш-Каменского, Поливанов не посмотрел самый текст, из которого явствует, что упомянутый в 166 примечании Чуйкевич—это «генеральный судья Василий Чуйкевич» ⁵¹. Он «прильгнулся» к измене мазепиной, после Полтавской битвы был сослан в Сибирь. Ему было тогда уже 70 лет. Его жена действительно осталась жить в монастыре на Украине ⁵². Их сына Семена, зятя В. Л. Кочубея, казненного по вине Мазепы, и тем более его жену Екатерину Кочубей никогда в Сибирь не ссылали.

Крупный знаток истории Украины А. М. Лазаревский писал, что после 1704 г. о Матрене «не сохранилось никаких дальнейших сведений; нужно думать, что она умерла тогда же, может быть, отринутая и осторожным любовником, и раздраженной

⁴⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 211, 214—216.

⁴⁸ Там же, стр. 531, 538.

⁴⁹ А. М. Лазаревский. Описание старой Малороссии. Т. II. Киев. 1893, стр. 30—32; В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник. Т. II, стр. 532.

⁵⁰ Л. И. Поливанов. Указ. соч., стр. 153.

⁵¹ Д. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч. Ч. III, стр. 118.

⁵² «Источники малороссийской истории». Ч. II. М. 1859, стр. 268.

матерью»⁵³. Поэтому Пушкин имел полное основание писать: «Но дочь преступница... преданья об ней молчат. Ее страданья, ее судьба, ее конец непроницаемою тьмою от нас закрыты». Документально обоснованное мнение Лазаревского, подтверждающее историзм Пушкина, было напечатано за 11 лет до выхода в свет издания Поливанова. Однако последний с ним не посчитался, как и с документальными материалами, к тому времени опубликованными. С легкой руки Поливанова иные любители сенсаций писали о выходе Матрены Кочубей замуж «за генерального судью Чуйкевича», о том, что была она «сослана вместе с мужем в Сибирь», а по возвращении домой «постриглась в монахини», и, более того, даже утверждали, что Матрена вместе с отцом в 1702 г. была в Париже⁵⁴.

Поливанов находил и другие «отступления» Пушкина от истории, но мы остановимся лишь на одном из них. Речь идет о следствии по делу Кочубей и Искры и пытке доносителей. Исследователь указывал на то, что Пушкин выводит распорядителем допроса Кочубей и его пытки генерального писаря Орлика. В действительности же допрос вели граф Г. И. Головкин и барон П. П. Шафиров. К строке «Свирепый Орлик перед ним» Поливанов заметил: «В поэме своей Пушкин изображает последнюю пытку Кочубей в присутствии Орлика. Здесь наблюдается отход от исторических источников: «При сей пытке были: стольник Иван Вельяминов-Зернов, привезший сих страдальцев (Кочубей и Искру) к Мазепе, и генеральные: обозный Иван Ломиковский и есаул Антон Гамалея» (ИМП III, прим. 113)»⁵⁵. Однако в данном случае «отступление от исторических источников» у Пушкина оправданно. Что поэт в деталях знал историю по расследованию дела Кочубей, в этом нет сомнения. Он с документальной точностью рисует атмосферу следствия: «когда ему, врагу России самому, вельможи русские послали в Полтаве писанный донос». Вместо «праведных угроз» они Мазепе, «как жертве, ласки расточали». А Петр, «озабоченный войной, гнушаясь мнимой клеветой», донос оставя без вниманья, утешал Иуду, «и злобу шумом наказанья смирить надолго обещал». Со своей стороны, Мазепа «в горести притворной, к царю возносит глас покорный... Ему ль теперь у двери гроба начать учение измен». И гетман «в холодной дерзости своей» требует казни Искры и Кочубей. В своих «Примечаниях» к поэме Пушкин назвал главных следователей. Голиков их оправдывал, поэт же вынес им суровый приговор: «Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей»⁵⁶.

Почему же Пушкин, зная все обстоятельства дела, столкнул Кочубей в последние часы его жизни со «свирепым Орликом»? Это столкновение вытекает из сюжетной линии первой и второй песен поэмы. «Полтаве», как это было и в действительности, противостоят друг другу две группы украинской казацкой старшины. Кочубей и Орлик не только питали друг к другу личную неприязнь⁵⁷, они были политическими врагами и представляли разные группы казацкой старшины: Кочубей—коренных левобережников, ратовавших за более тесный политический и экономический союз с Россией (для этой группы гетман превратился в помеху); другую группу возглавлял Мазепа. Состоявшая из генеральной старшины и части полковников, она выступала за большую близость с Польшей. Мазепа окружил себя своими земляками—правобережными шляхтичами, родственниками и иностранцами. К последним принадлежал и Орлик.

В поэме обе группы казацкой старшины показаны в самый острый для России период Северной войны, когда «отважный Карл», скользя над бездной, «шел на древнюю Москву». Обе группы пытались использовать создавшуюся военно-политическую обстановку. Группа Кочубей выбрала время сношения Мазепы со шведами для отстра-

⁵³ «Русский архив», 1876, № 12, стр. 444.

⁵⁴ «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона. Т. XVI, стр. 466; Ф. Уманец. Гетман Мазепа. СПб. 1897, стр. 338; «Литературная Россия», 18.X.1968, стр. 16; «Альманах поэзия». М. 1970, стр. 209—210.

⁵⁵ Л. И. Поливанов. Указ. соч., стр. 185.

⁵⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 66.

⁵⁷ Сохранилась «Записка Кочубей на Орлика» от февраля 1708 г., в которой рассказывается о том, что Орлик «во всем понижает, безчестит и топчет» Кочубей и Искру, а однажды Орлик и его шурина Г. Герцика их, полковника и судью, «осужали, оговаривали, лаяли в мать и всяко хулили и уничтожали...» («Источники малороссийской истории...». Ч. II, стр. 149).

нения его от гетманства. И Кочубей и Искра были уверены: «Одолеем; врага паденье решено». В этом основная причина доноса Кочубей. Группа Мазепы стремилась воспользоваться войной, чтобы отторгнуть Украину от России. Под фальшивым лозунгом, что Украине уже пора быть «независимой державой», Мазепа поднимает «знамя волюности кровавой» на Петра. Не надеясь на свои силы и зная, что украинский народ его не поддержит, он делает ставку на внешние силы, на интервенцию. «Готово все: в переговорах со мною оба короля; и скоро в смутах, в бранных спорах, быть может, трон воздвигну я», — признавался Марии «старик надменный». В этом суть измены Мазепы: при помощи королей шведского и польского воздвигнуть себе трон. Борьба между двумя группами казацкой старшины стала решительной и бескомпромиссной.

Утвердившаяся в литературе точка зрения об одиночестве Кочубея, о том, что его донос — «это акт личной мести», несостоятельна. Романтическая история с Матреной происходила в конце 1704 и в начале 1705 года. Однако Кочубей писал донос не по свежим следам, не после бегства дочери из дому, а почти три года спустя. За это время Кочубей и Мазепа помирились. Первый продолжал оставаться генеральным судьей и по-прежнему находился в окружении гетмана, участвовал в его пирушках, а когда Мазепа выступал в поход, то оставлял Кочубея в Батурине наказным гетманом, то есть временным правителем всей Украины. Так было в 1706 и 1707 годах. Мазепа продолжал по-приятельски посещать дом Кочубея, шировал у него и вел разговоры с ним и с его женой. Так что вряд ли верно объяснять донос лишь оскорблением отцовского самолюбия. И в поэме донос Кочубей — документ большой исторической и политической важности. Связан этот донос был не с романом дочери, а со сложным внутренним и внешним положением России: «...Но замысел иной волнует сердце Кочубея. Была та смутная пора, когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра». То было время, когда «урок нежданный и кровавый задал ей шведский паладин». В создавшихся условиях было политически важно раскрыть перед русским правительством зревший на Украине опасный изменнический заговор, предупредить о грозившей опасности. Вследствие этого разоблачения Мазепа должен был кончить свой век не «среди пожара», не «от удара казачьей сабли», а «в руках московских палачей, в крови, при тщетных отрицаньях, на дыбе, корчась в истязаньях».

В поэме Кочубей не одинок в борьбе с гетманом-изменником. «...Орлиным взором в кругу домашнем ищет он себе товарищей отвалжных, неколебимых, непродажных». Ищет и находит. «Во всем открылся он жене». К этой строчке Пушкин делает такое примечание: «Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его; гордая и высокоумная»⁵⁸. «Нетерпеливая жена супруга злобного торопит». Из сохранившихся первоисточников явствует, что во всех самых тайных беседах Кочубея с монахом Никанором, попом Святайло, Петром Яценко участвовала его жена. С Кочубеем заодно и «бесстрашный Искра», знаменитый воин, бывший полтавский полковник, представитель средней казацкой старшины. В союзе с Кочубеем и «младой казак» из Полтавы, символизирующий народные массы и доставивший донос в Москву.

Пушкин в полном соответствии с источниками раскрывает цели, состав участников заговора и их козни⁵⁹. Главари заговора — Мазепа, «гетман скрытный души мятежной ненасытной», «иуда», «враг России», «мощный враг Петра», «злодей». «С ним полномощный езуит мятеж народной учреждает и шаткий трон ему сулит»; «какой-то нищий во дворец неведомо отколе ходит и Орлик, гетманов делец, его проводит и выводит». Все это точно соответствует показаниям Петра Яценко и 15-му пункту доноса Кочубея. Среди «надежных друзей» Мазепы была польская княгиня Дульская, родственница короля Станислава Лещинского, шведского ставленника на польском престоле⁶⁰. В «Примечаниях» к поэме Пушкин сообщает некоторые сведения о заговорщиках. «Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно»⁶¹. Об Орлике: «Филипп Ор-

⁵⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 65.

⁵⁹ См. В. Е. Шутый. Измена Мазепы. «Исторические записки». Т. 31. 1950.

⁶⁰ И. И. Голиков видел причину измены Мазепы в том, что он влюбился в Дульскую. Пушкин верно определил ее как агента Мазепы.

⁶¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 65—66.

лик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710)⁶² сего последнего получил от Карла XII пустой титул Малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года»⁶³. Слепая вера Петра I в честность Мазепы помешала ему познать истину. Кочубей «царю на гетмана донес», и за это царем «врагу на выдан головою». Группа Мазепы временно торжествовала. Символизирует это обстоятельство появление «жесточкого человека», свирепого Орлика перед Кочубеем накануне его казни. Так было в жизни. Так это показано и в поэме. Но вот измена Мазепы стала явью, и Петр I быстро возвращает врагов Мазепы. Поспешно призваны царем семейства Искры, Кочубея. «Он с ними слезы проливает. Он их, лаская, осыпает и новой честью и добром».

В основе поэмы лежат события начального периода Северной войны — от первой большой неудачи русских войск под Нарвой до торжества русского оружия под Полтавой. Анализ событий в том виде, как их изобразил Пушкин в «Полтаве», в литературе отсутствует. Как уже говорилось, литературоведы эту цель перед собой и не ставили (исключение составляет центральное действие поэмы — Полтавская битва, рассмотренное в статье Н. В. Измайлова). Совершенно не упоминались исследователями важнейшие события полтавского периода Северной войны. А ведь Пушкин ни одного из них не пропустил. Первым явилось изменение Карлом XII стратегического плана войны. Древняя русская столица уже длительное время готовилась к обороне. Но «Москва напрасно к себе гостей ждала вчасно... Внезапно Карл поворотил и перенес войну в Украину». За этим событием последовало другое, не менее важное. Прикинувшийся смертельно больным, Мазепа, «чтоб обмануть верней глаза враждебного сомненья», встает с одра. «Теперь он мощный враг Петра». С казачьими полками Мазепа проворно мчится на коне к Десне, на другом берегу которой стоят шведы. «И весть на крыльях полетела. Украина смутно зашумела: «Он перешел, он изменил, к ногам он Карлу положил бунчук покорный. Пламя пышет, встает кровавая заря войны народной».

Это место в поэме исследователи не анализировали, не сопоставляли с источниками. Они не обратили внимания на то, как Пушкин исторически верно связывает два события: переход Мазепы на сторону вторгшегося на Украину врага и одновременно развернувшуюся борьбу местного населения против оккупантов и изменников. Великий русский поэт и историк первым в отечественной и мировой литературе определил события 1708—1709 гг. на Украине как народную войну. Этот термин «народная война» в отношении событий 1708—1709 гг. приобрел права гражданства в советской исторической литературе, посвященной началу XVIII в., вошел в учебники.

Следующим событием на Украине, нашедшим отображение в поэме и также обойденным литературоведами, были быстрые и решительные меры русского правительства по ликвидации последствий гетманской измены. Пушкин с документальной достоверностью воспроизводит эти меры: «Гремит анафема в соборах; Мазепы лик терзает кат. На шумной раде, в вольных спорах другого гетмана творят... Мазепы враг, наездник, пылкий, старик Палей из мрака ссылки в Украину едет в царский стан. Трепещет бунт осиротелый. На плахе гибнет Чечель⁶⁴ смелый и запорожский атаман»⁶⁵. «Силь-

⁶² В энциклопедиях как год смерти Мазепы указан 1709-й. Но Пушкин знал хронике Ник. Костина, великого логофета Молдавии. В ней сказано, что Мазепа умер 18 марта 1710 г. в Бендерах («Киевская старина», 1885, № 7, стр. 502).

⁶³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 66. Н. В. Измайлов в упомянутой выше статье (стр. 438) указал, что сведения о пребывании Орлика в конце жизни в Бендерах Пушкин мог позаимствовать у Лезюра (т. II, стр. 125). Однако имеются данные о том, что в 1740 г. Ф. Орлик проживал в Константинополе (А. С. Петрушев и в. ч. Филипп Орлик, последний польский гетман Западной Украины. 1709—1742. Львов. 1872, стр. 27). «Советская историческая энциклопедия» и «Украинская советская энциклопедия» указывают даты жизни Ф. Орлика: 1672—1742.

⁶⁴ «Чечель отчаянно защищал Батурич против войск князя Меншикова» (примечание Пушкина).

⁶⁵ «Запорожского атамана» и К. Гордиенко из первой песни поэмы составители «Указателя имен» и примечаний к академическим изданиям сочинений поэта рассматривали как одно и то же лицо. Но это не так. «Запорожского атамана», упоминаемого вместе с Чечелем, звали Тимофей Полугер. Под его командованием была хоругвь (100 человек) запорожцев. Он вместе с Мазепой перешел через Десну к шведам. В конце октября 1708 г. Полугер был послан Мазепой с письмом к будущему гетману

ные меры,— писал Пушкин в «Примечаниях» к поэме,— принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украину в повиновении». Тут же приводится отрывок из «Журнала или подневной записки Петра Великого...» за 7—10 ноября 1708 года. Почти вся третья песня поэмы посвящена подготовке русской и шведской армий к генеральному сражению — Полтавской битве. При описании этого центрального эпизода поэт затронул много других событий различной степени важности. Трактовка поэтом некоторых из них уже рассмотрена в литературе. Другие ждут своей очереди.

Исследователи показали, что в творчестве А. С. Пушкина истории отведено особое место. Но ни одна из эпох русской истории не занимала поэта на протяжении всей его жизни так, как петровская. «Полтава» как историческое и художественное произведение — важный этап в развитии творчества великого поэта, его исторического мирозерцания и в изучении им времени Петра I. Пушкин написал также поэму «Медный всадник» (1833 г.), стихотворение «Пир Петра I» (1835 г.), а с 1831 г. работал над монографией «История Петра Великого». В «Полтаве» изображение и событий, и героев освещено правдой истории. Используя документы и фактический материал, помещенные, в частности, в трудах Голикова и Бантыш-Каменского, Пушкин давал историческим событиям собственные комментарии и свое толкование.

Ивану Скоропадскому, был пойман и 12 ноября подвергся допросу в русской штаб-квартире. Дальнейшая судьба его не известна (ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708, д. 54, лл. 30—33 об).